
РИТОРИКА И АРГУМЕНТАЦИЯ

Глеб Карпов¹

ПЕРФОРМАТИВНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ДЕДУКТИВНОГО АРГУМЕНТА: ХИНТИККОВО «ЗА», УОЛТОНОВО «БЫТЬ МОЖЕТ», МОЕ «ПОКА ЕЩЕ НЕТ»²

Аннотация. В статье ставится вопрос о существовании аргументов особого типа — так называемых перформативных аргументов. На примере перформативной интерпретации рассуждения *cogito ergo sum*, которую предложил Хинтикка, вскрываются все сложности такого подхода. Так, устанавливается, что определения экзистенциального и перформативного противоречий, выполняющие функцию драйверов перформативных аргументов, семантически некорректны. Показано, что применение логики действий отчасти исправляет ситуацию, хотя и не позволяет выяснить отличительные особенности аргументов перформативного типа. Делается вывод о том, что, для того чтобы дать описание перформативному аргументу, нужно использовать семантики, альтернативные реляционным.

Ключевые слова: аргумент, перформатив, перформативное противоречие, логика действий, теория значения.

Gleb Karpov

PERFORMATIVE INTERPRETATION OF A DEDUCTIVE ARGUMENT: HINTIKKA SAYS “YES”, WALTON SAYS “IT MIGHT BE”, I SAY “NOT QUITE YET”

Abstract. The article questions the existence of the so-called performative arguments. On the example of Hintikka’s performative interpretation of the *cogito ergo sum* dictum, all the complexities of such an approach are revealed. I claim that the definitions of an existential and

¹Карпов Глеб Викторович — кандидат философских наук, доцент кафедры логики Санкт-Петербургского государственного университета.

Gleb V. Karpov, PhD, docent, Department of Logic, St. Petersburg State University.

g.karpov@spbu.ru

²Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ (проект № 20-011-00485 «Делиберативная аргументация между рассуждением и действием»).

the performative contradiction, which serve as drivers of performative arguments, are semantically incorrect. Then I show that the application of the logic of actions partially improves the situation, although it does not allow to clarify the distinctive features of the performative arguments. I conclude that in order to describe performative arguments, it is necessary to use semantics other than conventional relational semantics.

Keywords: argument, performative, performative contradiction, logic of actions, semantics.

Для цитирования: Карпов Г. В. Перформативная интерпретация дедуктивного аргумента: Хинтикково «за», Уолтоново «быть может», мое «пока еще нет» // *Логико-философские штудии*. 2022. Т. 20, № 4. С. 413–428. DOI: 10.52119/LPHS.2022.56.20.004.

Введение

С точки зрения современной теории аргументации, множество предложений, которые могут встречаться в аргументах как посылки или как заключение, включает в себя: во-первых, собственно (повествовательные) предложения, истинные или ложные, во-вторых, вопросы и, в-третьих, предложения повелительного наклонения (императивы). Аргументы с использованием последних, как пишет об этом Дуглас Уолтон, встречаются преимущественно в так называемых практических рассуждениях — тех, что касаются рекомендаций, направленных на достижение какой-либо цели. Например, в аргументе «для того, чтобы получить C , мне необходимо выполнить A_1 , а для того, чтобы выполнить A_1 , необходимо выполнить A_2 ; значит для того, чтобы получить C , мне необходимо выполнить сначала A_2 , а затем A_1 » императив выражает предложение «необходимо выполнить A_i » (Walton 2005: 9). В прагма-диалектике Франса ван Еемерена и Роба Гроотендорста использование предложений, отличающиеся от повествовательных, также весьма ограничено. В частности, в «Систематической теории аргументации» о декларативах³, разновидности неописательных предложений, говорится, что они не играют существенной, непосредственной роли в критической дискуссии и что их функция в устранении разногласий сводится, как правило, к изданию инструкций (декларативов использования), призванных объяснить то, как следует понимать тот или иной речевой акт, то или иное произнесенное предложение, роль которого в снятии разногласий непосредственная (ван Еемерен, Гроотендорст 2021: 87).

В это же время в смежной с теорией аргументации области знания, в логике, неописательные предложения, а равно как и составленные из них рассуждения,

³Т. е. об особых речевых актах, схожих с императивами, суть которых сводится к тому, что тот, кто их использует, не описывает уже существующую действительность, а как бы создает новую, просто провозглашая ее ставшей (открывая собрание, объявляя себя проигравшим или выигравшим там, где правилами допускается такое объявление, провозглашая нормы, начинающие действовать с момента их провозглашения, и пр.).

напоминающие силлогизмы, регулярно становятся объектом самого пристального изучения. В качестве примера я укажу на целую исследовательскую традицию, известную под названием логики императивов, расцвет которой пришелся на время после Второй мировой и связан с именами Альфа Росса, Энтони Кенни, Питера Гича...⁴ Последний значительный всплеск интереса к неописательным предложениям со стороны логиков можно было наблюдать в течение всей первой декады нашего столетия, когда в ее начале вышли книги «Facing the Future» (Belnap *et al.* 2001) и «Agency and Deontic Logic» (Horty 2001).

Удивительно, что представители этих двух отраслей знания стараются как бы не замечать друг друга: логики делают вид, что не существует проблемы, связанной с отсутствием теории логических и подобных им отношений на множестве предложений, в составе которого есть неописательные предложения, такие как императивы или декларативы, которую можно было бы использовать практически так, как используется силлогистика или логика высказываний; представители различных направлений в аргументации предпочитают не обращаться к разработанным логикой методам для того, чтобы обеспечить практически ориентированные аргументы надежным фундаментом, прибегая в поиске оснований к контекстуально-, т. е. культурно-зависимым и прагматическим конструкциям. Вопрос, связанный с работой, а значит и с самим существованием, аргументов, в составе которых есть посылки, не являющиеся описательными предложениями, во многом остается нерешенным; его с неохотой касаются современные ведущие направления теории аргументации, такие как критическая аргументация и прагма-диалектика. В общем виде этот вопрос можно было бы сформулировать так: существует ли, наряду с дедуктивным, индуктивным или презумптивным, какой-то особый тип аргумента, который бы определялся не содержанием использованных в нем мыслей, а их характером, наклоном или модальностью? Или же, напротив, три известных типа аргумента могут приобретать лишь различное звучание, отклоняясь от привычного звучания в родственные⁵, что хотя и делает использование обычного средства проверки (например, критических вопросов) затруднительным, но не создает при этом какого-то аргумента нового типа, со своей методикой оценки и особыми приемами, конституирующими корректное с ним обращение? Текст, который я предлагаю читателю, не содержит полного и окончательного решения этого вопроса; однако он исследует, вне всякого сомнения, исключительный прецедент, когда один выдающийся логик предложил считать одно выдающееся рассуждение не дедуктивным рассуждением, не силлогизмом или хотя бы энтимемой с выпущенной большей посылкой, как это делали обыкновенно, а рассуждением перформативного толка, таким, «закключение» которого делается истинным только тогда, когда посылка не существует на бумаге, а мыслится или

⁴Подробнее о логике императивов см., например: (Ross 1944; Kenny 1966; Geach 1966).

⁵Как это имеет место, например, тогда, когда вместо «„*C* истинно“ — я так говорю, т. к. хорошо разбираюсь в соответствующем вопросе» говорят «я утверждаю, что знаю, что *C* истинно...».

проговаривается, во всяком случае тогда, когда посылка рассматривается исключительно как действие автора рассуждения, а не как суждение, указывающее на отношение объемов логических подлежащего и сказуемого. Если только этот случай сколь бы то ни было значим (не только в историко-философском смысле, но и как образец, по которому могут быть скроены похожие рассуждения, где утверждается, что перформативный характер может быть обнаружен и в аргументах, вовсе не похожих на энтимемы или на простые категорические силлогизмы), то решение вопроса о семействе аргументов неописательского характера, не сводимого к рассуждениям рецептурного свойства или к тому, что считается в дискуссиях инструкциями, может получить свое первое очертание.

Cogito ergo sum не является дедуктивным аргументом

В статье «*Cogito ergo sum*: логический вывод или перформатив?» (Hintikka 1962) Яакко Хинтиikka подмечает, что нет убедительных оснований, позволяющих заключить, что Декартово «я мыслю, следовательно, я существую» является именно дедуктивным аргументом с посылкой «я мыслю», заключением «я существую» и отношением логического следования, которое выражено словом «следовательно», между посылкой и заключением. Существуют, напротив, доводы в пользу того, что даже по мысли самого автора формулы, такая интерпретация не является ни единственной, ни даже основной.

Одна часть таких доводов представлена совокупностью замечаний Хинтиikka, которые носят текстологический характер. Сюда относится, в частности, его наблюдение, заключающееся в том, что в тексте Декарта встречается формулировка, где отсутствует «следовательно»: *ego cogitans existo*; или же — замечания Декарта, рассыпанные по тексту «Рассуждения о методе...», где говорится о такой самоочевидности «я существую», для постижения которой никакие посылки не нужны.

Другая часть доводов в пользу того, чтобы не считать «я мыслю...» дедуктивным аргументом, сводится к собственно логическому анализу формулы. Если обозначить «я мыслю» через предложение $B(a)$, которое указывает на то, что индивид a (т. е. «я») обладает свойством B (т. е. «мыслить»), то картезианская формула примет вид

$$B(a) \rightarrow (\exists x)(x = a) \quad (1)$$

— если верно, что «я» обладает свойством «мыслить», то «я» обладает свойством «существовать»⁶. Тогда, из (1) и $B(a)$ по правилу *modus ponens* может быть выведено $\exists x(x = a)$ — «Декарт существует».

⁶Это справедливо, замечает Хинтиikka, т. к., если только прав У. Куайн, существовать — то же самое, что быть значением переменной, входящей в область действия квантора: так, a является значением переменной x , которая входит в область действия квантора « \exists ».

Данная интерпретация, однако, сомнительна не только потому, что на месте «*B*» может стоять какое угодно свойство (мысль, которую впервые высказал, как пишет об этом Хинтиikka, Пьер Гассенди, например *ambulo, egro sum*, т. е. «я иду, следовательно, я существую», и т. п.), но и потому, что использование языка логики предикатов первого порядка, на котором и записано выражение (1), предполагает выполнение правила экзистенциальной пресуппозиции, требующего, чтобы за каждым упомянутым индивидом стоял реально существующий объект. В таком случае из $B(a)$ автоматически, т. е. без каких бы то ни было дополнительных условий, следует, что *a* существует. Это значит, что признать, что предложение «я мыслю» имеет логическую форму, выраженную как $B(a)$, означает согласиться с тем, что «я мыслю» само по себе подразумевает «я существую». Попытка представить формулу Декарта как дедуктивный аргумент оборачивается разрушением отношения следования между его посылками и заключением, обнаружением его мнимого характера.

Наконец, указывая на то, что в действительности из «я мыслю» не выводится «я существую», Хинтиikka подмечает: «Вне всякого сомнения, Гамлет размышлял об очень многих вещах; следует ли отсюда, что он существовал?» (Hintikka 1962: 8).

Возможно, что *cogito ergo sum* — это перформативный аргумент

Для того, чтобы изложить альтернативную интерпретацию для «я мыслю...», предложенную Хинтииккой, мне потребуется разъяснить понятие экзистенциального противоречия, на основе которого реконструируется ход мысли Декарта, приведший его к знаменитой формуле. Напомним, что противоречие вообще есть логическое отношение, связывающее суждения, такое, что они не могут быть ни одновременно истинными, ни одновременно ложными. Предложение *p* будет считаться экзистенциально противоречивым, когда его произнесет *a*, если и только если *p* и «*a* существует» противоречат друг другу. Например, предложение «Декарта не существует» следует признать экзистенциально противоречивым для Декарта, ведь верно, что предложения «Декарта не существует» и «существует такой *x*, что этот *x* = Декарт» противоречат друг другу. Таким образом, для того чтобы считать предложение экзистенциально противоречивым, нужно, чтобы некто произнес его вслух или помыслил бы его. Другими словами, нужно чтобы некоторое предложение стало речевым актом, объектом действия говорящего или мыслящего. Так, само по себе предложение «Декарт не существует», конечно, не является экзистенциально противоречивым, но, будучи превращенным в речевой акт собственно Декартом (и только им), оно приобретает это свойство.

Экзистенциальное противоречие имеет, как заключает Хинтиikka, перформативное измерение в собственно остиновском, изначальном смысле этого слова: оно возникает в момент произнесения, в момент осуществления речевого акта, и связано не с описательной функцией языка, а с той, что противостоит ей, когда язык

создает действительность (Hintikka 1962: 12).

Излагая свое альтернативное толкование формулы «я мыслю...», Хинтикка предлагает считать, что Декарт в своих медитациях осознавал перформативный характер экзистенциального противоречия, имеющего место всякий раз, как только им мыслилось или высказывалось суждение «меня не существует». Озарение Декарта, давшее в конце-концов формулу «я мыслю...», считает Хинтикка, произошло тогда, когда тот заключил, что отрицанием суждения, обладающего в своем перформативном измерении экзистенциальным противоречием, должно быть суждение, которое, будучи произнесено или помыслено, всегда признавалось бы истинным. Таким суждением и является «я существую». Оно не истинно само по себе, однако оно становится таковым в результате акта мышления, т. е. как только ему придается перформативное измерение, а сам акт мышления при этом сводится к попытке помыслить суждение, противоречащее суждению «я существую». Декартова формула, таким образом, предстает как способ указать на то, что истина «я существую» открывается в результате акта мышления, но такого, который связан не с выводением логического следствия из посылки «я мыслю», а с попыткой помыслить свое несуществование. «Я мыслю» и «я существую» связаны не как посылка и заключение, подытоживает свое рассуждение Хинтикка, а скорее как источник света и свет или как игра на музыкальном инструменте и звучащая музыка (Hintikka 1962: 16).

Перформативная интерпретация *cogito ergo sum* в модальной логике

На первый взгляд интерпретация, основанная на понятии экзистенциального противоречия, избегает некоторых критических замечаний, направленных против того, чтобы понимать «я мыслю...» как дедуктивный аргумент с посылкой вида (1). Так, например, в самом деле, на месте «мыслю» не может оказаться «иду». Это бы нарушило всю механику, которую вскрыл и описал Хинтикка: высказывание «Декарт не идет», будучи осуществлено самим Декартом, не порождает экзистенциального противоречия, а его отрицание, следовательно, не дает мысли, которая бы признавалась истинной исключительно в силу того, что она высказана⁷.

⁷Однако в статье 1973 г. Фред Фельдман отмечает, что перформативная интерпретация Хинтикки имеет на самом деле ту же логическую форму, что и традиционная интерпретация, данная с обращением к формуле (1) (Feldman 1973). Если «я существую» есть истина на том основании, что произнесение предложения «я существую» влечет то, что тот, кто его произносит, существует, то следует признать, что предложение «я существую» должно, как и «я мыслю», подчиняться правилу экзистенциального импорта. «Я существую», следовательно, влечет существование «я» само по себе, а перформативная интерпретация мало или совсем не отличается от понимания формулы Декарта в традиционалистском ключе. Фельдман приходит к неутешительному выводу о том, что едва ли вообще следует понимать формулу Декарта как перформатив.

Центральным для перформативной интерпретации является понятие экзистенциального противоречия. Его, в терминах логики алетических модальностей, можно, вслед за Уолтоном (Walton 1977) определить так: предложение p экзистенциально противоречиво, когда его произнесет a (или, что то же, — неверно, что для a экзистенциально возможно произнести предложение p), е. т. е. невозможно, чтобы предложения p и « a существует» были одновременно истинными. Осовременив запись конца прошлого столетия, получаем следующее:

$$\neg \blacklozenge^a p =_{df} \neg \diamond(\langle a \text{ существует} \rangle \& p, \quad (2)$$

где дефиниендум содержит знак экзистенциальной возможности « \blacklozenge » с верхним индексом « a », указывающим на то, что экзистенциальная возможность предложения p определяется относительно индивида a , и где дефиниенс содержит обыкновенный знак алетической возможности « \diamond ». Как видим, (2), действительно, в полной мере схватывает определение экзистенциального противоречия, предложенное Хинтиккой. Так как правая часть выражения (2) напоминает определение для строгой импликации, данное Льюисом, то это позволяет Уолтону перейти к следующему выражению:

$$\neg \blacklozenge^a p =_{df} \langle a \text{ существует} \rangle \supset \neg p, \quad (3)$$

где символ \supset нужно читать как «строго влечет». Далее, Уолтон предполагает, что экзистенциальная модальность \blacklozenge , подобно алетической модальности \diamond , имеет двойственную себе модальность, определяемую сходным образом. А так как импликация Льюиса допускает, как и материальная импликация, контрапозицию, то выражению (3) может быть придан следующий вид:

$$\blacksquare^a p =_{df} \langle a \text{ существует} \rangle \supset p. \quad (4)$$

Оно говорит, что предложение p будет считаться экзистенциально необходимым, когда его произнесет a (или экзистенциально само-верифицируемым для a , что символизируется с помощью знака « \blacksquare » с соответствующим верхним индексом), е. т. е. предложение « a существует» строго влечет p . Так, например, предложение « a существует» экзистенциально само-верифицируемо, если его произносит индивид a , т. к. « a существует» строго влечет « a существует».

Уолтон отмечает, что понятие экзистенциального противоречия как таковое не может служить достаточным средством для того, чтоб представить формулу Декарта как перформатив. Действительно, « a мыслит» не является экзистенциально само-верифицируемым предложением, т. к. ясно, что « a существует» не влечет (ни строго, ни материально) « a мыслит». Уолтон предполагает, что Хинтикка, предлагая перформативную интерпретацию формулы Декарта, в действительности подразумевал несколько видов противоречия / само-верифицируемости и, рассуждая

	Экзистенциальная само-верифицируемость	Перформативная само-верифицируемость
Дефиниенс (правая часть определения)	« a существует» строго влечет p	« a утверждает, что p » влечет p
Пример	«Я существую» («Я мыслю» не является примером экзистенциальной верифицируемости)	«Я мыслю» («Я существую» не является примером перформативной верифицируемости)

Таблица 1: Виды само-верифицируемости по Уолтону

о перформативном измерении экзистенциального противоречия, имел в виду другой, но похожий на первый, вид противоречия — собственно перформативный. На его основе, через операцию отрицания, аналогично тому, как это сделано для экзистенциального противоречия, формулируется следующее определение (Walton 1977: 134):

предложение p перформативно само-верифицируемо тогда,
когда его произносит a , е. т. е. из описания действия, (5)
которое совершает a с p , следует p

Под «описанием действий, которые совершает a с p » подразумевается не только действие, выраженное глаголом «сказал», но и действия, которые выражают такие глаголы, как «думать», «считать», «допускать», «заявлять» и прочие, подобные им в том, что все они указывают на то отношение, которое связывает индивида a с предложением p . Каждый из этих глаголов дает свою разновидность само-верифицирующегося предложения: «сказал» или «утверждал» — собственно перформативную, «считал» или «считает» («считает, что p ») — доксистическую и т. д. Уолтон избегает подробно говорить о том, каким именно образом связаны перформативные само-верифицируемые предложения и формула Декарта целиком, он лишь обращает внимание на то, что исходя из определения (5) «я мыслю» именно перформативно само-верифицируемо, т. к. если a , например, думает о том, что он мыслит, то он мыслит. «Я существую» при этом не является перформативно само-верифицируемым, ведь если a утверждает, что он мыслит, что существует, то неверно, что это влечет « a существует» (хотя за таким предложением и сохраняется право называться, в силу определения (4), экзистенциально само-верифицируемым). Основные элементы реконструированного Уолтоном рассуждения Хинтикки я внес в таблицу 1.

Критика модальных определений само-верифицируемости

Отмечу, что определение (4), данное Уолтоном, все же напоминает объяснение, сделанное в манере *ad hoc*: оно годится исключительно для того, чтобы показать как работает предложение, в котором утверждается, что некто существует и, в действительности, описывает лишь те ситуации, когда некто приписывает самому себе соответствующий предикат или предпринимает попытку (впрочем, как показал Хинтикка, попытку едва ли возможную) выполнить обратное. Иначе говоря, других экзистенциально само-верифицируемых предложений, кроме «*a* существует», вероятно, нет.

Более того, если и в самом деле «*a* существует» экзистенциально само-верифицируемо исключительно в силу того, что истинно предложение «*a* существует» (строго) влечет «*a* существует», как об этом и говорит определение (4), то данное определение можно было бы использовать как образец для того, чтобы порождать массу подобных ему определений в отношении множества самых разных предикатов, каждому из которых соответствовал бы свой вид само-верифицируемости. Так, вторя Гассенди, можно было бы задать определение для, скажем, *амбулаторной* само-верифицируемости: предложение *p* амбулаторно само-верифицируемо тогда, когда его произносит *a*, е. т. е. предложение «*a* идет» влечет *p*. Ясно, что «я иду», высказанное индивидом *a*, в соответствии с таким определением, будет признано амбулаторно само-верифицируемым, ведь «я иду» влечет «я иду», если только «я» и индивид *a* есть одно и то же лицо... Такое определение формально полностью соответствует определению (4), однако, вместе с тем, является очевидно нелепым. Это означает, что уолтоновское определение для экзистенциальной само-верифицируемости все же не схватывает сути соответствующего явления — автоматической истинности предложения «я существую» — и, таким образом, справляется с функцией, поставляющей объяснение принципа работы такого предложения, весьма посредственным образом.

Кроме этого, я полагаю, что если в правой части этого уолтоновского определения заменить выражение «строго влечет» на «влечет», то это не сделает сколь бы то ни было заметной перемены. Похоже, что сходство правой части выражения (2) с определением для строгой импликации, подмеченное Уолтоном изначально, хотя, безусловно, и имеет место, тем не менее не вносит в дискуссию о работе (экзистенциально) само-верифицируемого предложения ничего нового, так как используется лишь поверхностным образом, в то время как никаких семантических определений и моделей, стоящих за определениями (4) и (5), не предлагается.

Ситуация, как кажется, складывается таким образом, что «я существую» само-верифицируемо не в силу того, что выполняется соответствующая тавтология, на которую указывает определение (4), а лишь в силу того, что здесь, как и в случае с формулой (1), имеет место пресуппозиция, напоминающая экзистенциальный импорт: всякий, кто делает некоторое заявление, всякий, кто произносит некоторое

предложение, — существует.

Перформативная само-верифицируемость выгодно отличается от экзистенциальной само-верифицируемости в связи со сделанными замечаниями. В самом деле, она, как кажется, не является объяснением *ad hoc*, ведь определение (5) может быть отнесено не только к предложению «я мыслю», но и к ситуациям, когда, например, некто говорит «я тебя хвалю» или «всю ответственность я беру на себя», и тому подобным ситуациям.

Сравнение определений для двух видов само-верифицируемости, экзистенциальной и перформативной, с учетом сделанного замечания о том, что использование строгой импликации в дефиниенсе одного из них не является обязательным, показывает, что отличаются они друг от друга принципиально только одним — антецедентом, использованным в определяющей части, точнее его видом: это обыкновенное предложение-пропозиция («*a* существует») в первом случае и предложение, описывающее действие особого рода (например, «*a* утверждает, что *p*»), во втором. И если про предложение «*a* существует» можно смело сказать, что оно подчиняется истинностно-функциональным законам, то для того, чтобы сказать то же в отношении «*a* утверждает, что *p*» и ему подобных предложений, нужны веские основания, т. к. вполне вероятно, что их истинностная характеристика не задается всецело истинностным значением частей.

Если допустить, что такие веские основания имеются, и что «*a* утверждает, что *p*» поэтому обладает истинностным значением композиционально, то нужно признать, что в этом случае семантическая интерпретация выражения «*a* утверждает, что *p*» влечет *p*» оказывается неудовлетворительной. В самом деле, если «*a* утверждает, что *p*» истинно, то это может означать, что *a* (действительно,) в самом деле утверждает, что *p*. В этом случае, естественно, «*a* утверждает, что *p*» влечет «*a* утверждает, что *p*»; однако неверно, что если действительно «*a* утверждает, что *p*», то это влечет *p*. Кроме того, если *a* утверждает, что, например, $2 + 2 = 5$, то снова следует признать истинным предложение «*a* (действительно) утверждает, что $2 + 2 = 5$ », т. к. *a*, положим, и в самом деле утверждает или утверждал, что $2 + 2 = 5$. Тогда справедливо, что «*a* утверждает, что *p*» истинно, и, вместе с тем, что $\neg p$ истинно, т. е., опять оказывается, что неверно, что «*a* утверждает, что *p*» влечет *p*.

Из рассуждения выше я заключаю, что, вероятнее всего, значение правой части определения (5) не истинностно-функционально, а *модально*, что, в общем, согласуется и с интуицией Уолтона, сводящейся, как мы видели, к использованию модального понятия строгой импликации в определении экзистенциальной разновидности само-верифицируемости (впрочем, не нашей пока какого бы то ни было развития, а потому объявленной — до времени — не справляющейся с задачей объяснения), и с традицией логики действий, до известной степени отождествляющей описание действия говорящего *a*, которое тот осуществляет с предложением *p*, с модальной формулой [*a*]*p*. В отличие от теории значения для

выражений « a утверждает, что p » и им подобных, семантика для $[a]p$ хорошо разработана. Если принять во внимание указанное отождествление, то определение (5) примет следующий вид:

$$\begin{aligned} &\text{предложение } p \text{ перформативно само-верифицируемо} \\ &\text{тогда, когда его произносит } a, \text{ т. е. } [a]p \rightarrow p. \end{aligned} \quad (6)$$

Нетрудно видеть, что правая часть определения (6) есть не что иное, как аксиомная схема **T**, работающая в модальных логиках для алетических или эпистемических модальностей. Ее аналог — утверждение, что если агент a делает так, что p , то истинно p — имеет место и в логике действий, в частности в логике *see-to-it-that* или STIT (Horty, Belnap 1995: 595). Получается, что если приравнивать «описание действия, которое совершает a с p » к логической форме $[a]p$, значение которой определяется известными правилами, лежащими в основе любой реляционной семантики, то следует признать, что любое предложение, находящееся в области акционального оператора « $[]$ », становится перформативно само-верифицируемым, что, я полагаю, действительно имеет место в случае с предложениями «(я утверждаю, что) я тебя хвалю» и некоторыми другими, но, естественно, не так в отношении предложений «я утверждаю, что идет дождь» и им подобных.

Если же допустить, что под логической формой p следует понимать описание не всякого действия, а только такого, которое прямо указывает на мыслительный процесс агента, выраженный словами явно или нет, то отсюда нетрудно вывести, что «я утверждаю, что я мыслю» равносильно «я мыслю, что я мыслю», ведь всякий, кто утверждает, — мыслит. Тогда «я мыслю, что я мыслю, что я существую» влечет «я мыслю, что я существую», подобно тому, как в логике действий из $[a][a]p$ следует $[a]p$ на основании аксиомной схемы **T**. Если это верно, то верно и то, что, опять, из $[a]p$ следует p , т. е. что из «я мыслю, что я существую» следует «я существую», в соответствии с **T**, а значит — дедуктивно.

Таким образом, в том случае, если выполняются специальные (содержательные и искусственные) ограничения, накладываемые на возможные значения логической формы $[a]p$, аксиомная схема **T**, справедливая для логики действий и некоторых других модальных логик (алетической, эпистемической), выступает единственным основанием, позволяющим перейти от «я мыслю» к «я существую» — так, как если бы эти два предложения связывало отношение логического следования. Перформативная само-верифицируемость поэтому не может получить особого статуса, отличного от того, какой имеют дедуктивные аргументы, т. к. ее определение (как и определение для экзистенциальной само-верифицируемости) в любом случае задается именно через логическое отношение и к нему сводится. Тот факт, что в случае определения (4) обе формулы, связанные отношением следования, пропозициональные, в то время как в определении (5) антецедент, содержащийся в правой части, представлен формулой, указывающей на действие, есть единственное отличие двух видов само-верифицируемых предложений друг

от друга, но не от множества дедуктивных аргументов, где, аналогично, посылки и заключение соединены отношением логического следования.

Удовлетворительную теорию значения для логических форм, на основе которой было бы сформулировано определение перформативной само-верифицируемости, объясняющее работу и использование предложения *cogito ergo sum* и ему аналогичных, отыскать не удастся: если таковой признать истинностно-функциональную семантику, то из «я утверждаю, что я мыслю» не может быть получено «я существую»; если для описания того, как именно приобретают значение указанные предложения из Декартовой формулы и им аналогичные использовать модальную семантику, то действительно из «я утверждаю, что я мыслю» можно получить, исключительно дедуктивно, «я существую», но, вместе с тем, и «я утверждаю, что идет дождь» в этом случае дает «идет дождь», что контринтуитивно.

* * *

Выше я указывал на то, что определения, которые предлагает Волтон, не подкреплены никакой семантикой, хотя какая-то семантика, позволяющая осуществлять несложные преобразования, связанные с подстановкой или с заменой модальности двойственной ей, все же, естественно, им предполагается. Если устранять этот недостаток, то для само-верифицируемого предложения p несложно получить стандартную семантическую модель, в том смысле, что ее построение не выйдет за рамки известных определений для выражений «возможно, что p » и «необходимо, что p »: как хорошо известно, их интерпретация с использованием реляционных модельных структур (или фреймов, или шкал) связывает первое выражение, истинное в данном мире, с ситуацией, когда p истинно в некотором мире, достижимом из данного, а второе выражение, истинное в данном мире, — с той ситуацией, когда p истинно во всех мирах, достижимых из данного. В определении (4) говорится, что предложение экзистенциально само-верифицируемо для индивида a , е. т. е. невозможно, что истинны его отрицание и предложение « a существует». Как уже было сказано, единственным примером такого экзистенциально само-верифицируемого предложения выступает «я существую»: «я существую» экзистенциально само-верифицируемо для индивида a (такого, что $a = \langle \text{я} \rangle$, — здесь и далее), е. т. е. невозможно, что предложения « a существует» и «неверно, что я существую» оба истинны. Пусть « a существует» = p и «я существую» = q . Рис. 1 изображает модель экзистенциально верифицируемого предложения q в соответствии с тем, как раскрывается содержание этого понятия в указанном определении. Действительно, нет мира, достижимого из мира 1, такого, что в нем были бы истинны формулы p и $\neg q$; однако, как видим, в мире 1 истинны $\neg p$ и q , что формально, естественно, сохраняет условия истинности для экзистенциально само-верифицируемого предложения q но на содержательном уровне являет собой едва ли не абсурд: в этой модели «я существую» экзистенциально само-верифицируемо для

индивида a , т. к. возможно, что истинны оба предложения: «неверно, что a существует» и «я существую».

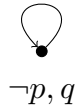

Рис. 1: Условия истинности для экзистенциального само-верифицируемого предложения q в соответствии с определением Уолтона

Интересно отметить, что в данной модели экзистенциально само-верифицируемое предложение q сохранило бы свою истинность и в том случае, если бы p (« a существует») было истинным в ее единственном мире 1, что, с одной стороны, безусловно, больше соответствует интуитивным ожиданиям, но, с другой стороны, делает истинность q («я существую») независимой от того, истинно или нет предложение p — предложение, подтверждающее сам факт существования индивида a .

Понятие экзистенциальной само-верифицируемости в редакции Уолтона оказывается малопригодно для объяснения работы перформативного аргумента, как только его содержание переводится на язык модальной логики и получает интерпретацию средствами реляционной семантики. (Семантическая модель перформативного само-верифицируемого предложения, данного в толковании Уолтона, едва ли может представлять собой что-то интересное до тех пор, пока описание действия, которое совершает индивид a с предложением p , приравнивается к формуле $[a]p$ логики действий, ведь в таком случае, как я уже отмечал выше, она является не более чем иллюстрацией работы аксиомной схемы $\mathbf{T} : [a]p \rightarrow p$.)

Возможно, поиски определения перформативного аргумента окажутся более удачными, если сказать, что $p \Rightarrow q$ есть перформативный аргумент для индивида a , е. т. е. для a невозможно выполнить действие, такое, что $p \& \neg q$ и если, одновременно может быть так, что $p \& \neg q$. В основе этого предположения лежит мысль, составляющая основу рассуждений о перформативном противоречии и его отрицании и Хинтикки, и Уолтона, а именно тот факт, что между некоторыми пропозициональными формулами логические отношения (несовместимости по истинности и ложности и отношение логического следования) возникают только тогда, когда эти пропозициональные формулы становятся объектом (ментальных) действий агента — его высказываний или актов его мышления. Вот почему важно правая часть предполагаемого определения перформативного аргумента должна содержать так называемые агентные формулы, образованные с помощью оператора «[]», наряду с пропозициональными. Тогда определение перформативного

аргумента примет вид:

$$p \Rightarrow q \text{ есть перформативный аргумент для индивида } a, \quad (7)$$

е. т. е. $\neg\Diamond[a](p\&\neg q)$ и при этом $\Diamond(p\&\neg q)$

Для ситуации, описанной правой частью определения (7), совсем нетрудно найти модель, тем более что похожий случай — наличие некоторой формулы (или возможность ее наличия) и, вместе с тем, отсутствие для агента возможности обеспечить это наличие — уже описывался в литературе по логике действия (Horty, Belnap 1995: 611). На рис. 2 представлена модель для конъюнкции формул $\neg\Diamond[a](p\&\neg q)$ и $\Diamond(p\&\neg q)$, где оператор действия «[]» есть **S5**-оператор с соответствующими свойствами⁸.

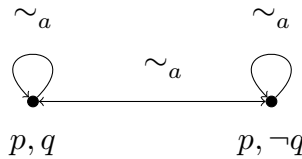

Рис. 2: Условия истинности для перформативного аргумента $p \Rightarrow q$, осуществляемого индивидом a , в соответствии с определением (7)

Действительно, в мирах 1 и 2 данной модели истинна указанная конъюнкция, что означает, что сама по себе ситуация, когда истинны одновременно p и $\neg q$, не является невозможной, хотя она и недостижима для действий агента a . Тот факт, что агент a не может сделать так, что имеет место p и $\neg q$, несмотря на то что сама по себе такая ситуация не является невозможной, говорит в пользу того, что p перформативно влечет p . Однако справедливо и то, что в ситуации, описываемой моделью, данной на рис. 2, агент a не может сделать так, что p и q , а единственное действие, которое ему доступно, это действие, такое, что p ! Это означает, что предложенные определение (7) и соответствующая ему модель описывают не столько ситуацию использования перформативного аргумента, сколько тот факт, что агент a , совершая действие, такое, что p , не гарантирует его последствий, каковыми с равной возможностью могут быть признаны и q , и $\neg q$. Таким свойством обладает большинство действий, если не они все, но ничего специально перформативно при этом в них нет.

Наконец, можно было бы попытаться схватить суть перформативного аргумента, заявив, что тот имеет место, если только $[a]p \rightarrow \Diamond p$, т. е. если только действия

⁸Его определение стандартно: формула $[a]p$ истинна в данном мире w , е. т. е. p истинна во всех мирах, принадлежащих классу эквивалентности $[w]_a$, т. е. достижимых их мира w по отношению \sim_a . Истинность формулы $\Diamond p$ определяется в таком случае без какой бы то ни было ссылки на отношение достижимости между мирами: (в любом возможном мире) в модели $\Diamond p$ истинно, если в модели найдется такой мир, где истинно p .

агента a , такие, что p , влекут положение дел p во всех мирах данной модели или если только $[a]p \rightarrow \Box q$ в момент времени t_1 , при том что $\neg\Box q$ в момент времени t_0 , предшествующий t_1 . Это, однако, требует других семантических инструментов, т. к. очевидно, что отношение достижимости между мирами, призванное различать условия истинности формул $[a]p$ и $\Box p$, не должно быть отношением эквивалентности и что сами миры должны быть частично упорядочены.

Заключение

Удалось установить, что перформативное противоречие или перформативное само-верифицируемое предложение, а равно и аргумент, подвергнутый перформативной интерпретации (по принципу того, как это было сделано Хинтиккой в отношении *cogito ergo sum*) требуют своей теории значения, отличной, что вполне ожидаемо, от классической истинностно-функциональной теории, где выполняется принцип композициональности, и, что менее ожидаемо, не сводимой к некопозициональной теории значения, трактующей перформативность в модальном ключе и в рамках соответствующих определений, обычных для реляционной семантики. Показано, что последнее справедливо, во всяком случае, до тех пор, пока используемая модальная теория совпадает в части своих базовых определений и их следствий (теорем) со стандартной логикой действия, заданной на основе **S5**.

Не нашла подтверждения, как казалось, многообещающая аналогия между существованием видов противоречия (противоречием *пропозициональным*, которое имеет место, например, между предложениями «Я повторю эти слова второй раз» и «Я не буду повторять эти слова второй раз», и *перформативным* — под этот случай подпадает, например, просьба «Не повторяй, пожалуйста, слова по два раза» и реакция на нее «Хорошо, хорошо») и существованием соответствующих им видов аргументов — пропозиционального (например, дедуктивного) и перформативного. Но если убедительных доказательств того, что перформативный аргумент существует как отдельный вид аргументации, обнаружить не удалось, то все же нашлись подтверждения тому, что в особых ситуациях (когда аргумент формулируется без помощи «следовательно» и аналогичных слов-маркеров, как это сделано в ряде случаев у Декарта, по меткому наблюдению Хинтикки, или тогда, когда агентом используется прямая речь и задействуются местоимения первого лица в именительном падеже) перформативную интерпретацию (дедуктивных и презумптивных) аргументов следует признать главенствующей, так как с ее помощью может быть снята дилемма, объявляющая аргументы, похожие на *cogito ergo sum* или несостоятельными (ввиду действия принципа, напоминающего экзистенциальный импорт), когда заключение уже содержится в одной из посылок и следует из нее непосредственно, или некорректными, когда никакого следования не обнаруживается вовсе.

Помимо этого, становится очевидным, что современным теориям аргументации

следует принимать такое множество аргументов, понятых в перформативном ключе, куда входят не только так называемые практические рассуждения критической аргументации, или декларативы использования прагма-диалектического подхода, но и аргументы, существование и функционирование которых, неотделимое от их применения, основывается на отрицании перформативно противоречивого предложения. Тогда оценку корректности подобных аргументов следует проводить с учетом их особенностей — отсутствия для агента возможности утверждать обратное при наличии (обезличенной) возможности признать содержание утверждения, выполняемого агентом, истинным. Подробную процедуру оценки, теорию значения, а равно и подробное феноменологическое описание особенностей использования аргументов, в отношении которых допустима перформативная интерпретация, еще только предстоит разработать.

Литература

- ван Еемерен, Гроотендорст 2021 — *Еемерен Ф. Х. ван, Гроотендорст Р.* Систематическая теория аргументации: прагма-диалектический подход / под общ. ред. О. А. Доманова. М.: Канон+; РООИ «Реабилитация», 2021.
- Belnap *et al.* 2001 — *Belnap N., Perloff M., Xu M.* Facing the Future: Agents and Choices in Our Indeterminist World. Oxford: Oxford University Press, 2001.
- Feldman 1973 — *Feldman F.* On the Performatory Interpretation of the Cogito // *Philosophical Review*. 1973. Vol. 82, no. 3. P. 345–363.
- Geach 1966 — *Geach P. T.* Dr. Kenny on Practical Inference // *Analysis*. 1966. Vol. 26, no. 3 P. 76–79.
- Hintikka 1962 — *Hintikka J.* Cogito, Ergo Sum: Inference or Performance? // *Philosophical Review*. 1962. Vol. 71, no. 1. P. 3–32.
- Horty 2001 — *Horty J.* Agency and Deontic Logic. Oxford: Oxford University Press, 2001.
- Horty, Belnap 1995 — *Horty J., Belnap N.* The deliberative stit: A study of action, omission, ability, and obligation // *Journal of Philosophical Logic*. 1995. Vol. 24, no. 6. P. 583–644.
- Kenny 1966 — *Kenny A. J.* Practical Inference // *Analysis*. 1966. Vol. 26, no. 3. P. 65–75.
- Ross 1944 — *Ross A.* Imperatives and logic // *Philosophy of Science*. 1944. Vol. 11, no. 1. P. 30–46.
- Walton 1977 — *Walton D.* Performative and Existential Self-Verifyingness // *Dialogue*. 1977. Vol. XVI, no. 1. P. 128–138.
- Walton 2005 — *Walton D.* Fundamentals of Critical Argumentation. Cambridge University Press, 2005.